

Ростовская СТАРИНА

Выпуск № 7 (176)

Ноябрь, 2016

Газета

Государственного

музея-заповедника

«Ростовский кремль»

Издания «Ростовского кремля», вышедшие в 2016 году

Сборник открывает статья А.Г. Мельника «25 лет конференции «История и культура Ростовской земли»», рассказывающая об учреждении в музее научной конференции, ее концепции и традициях.

Архимандрит Макарий (Веретенников) работой «Деятельность святителя Иова до Па-

История и культура Ростовской земли. 2015. – Ростов, 2016. – 320 с., ил. – ISBN 978-5-9908-342-4-8

триаршей интронизации» продолжает цикл публикаций по истории Церкви. А.Г. Мельник публикует статью по истории почитания святых – «История распространения культа св. Леонтия Ростовского на Руси в XV–XVI веках».

М.С. Черкасова свое исследование «Отпускные выводные памяти XVII–начала XVIII в. из собрания музея-заповедника «Ростовский кремль»» сопровождает публикацией исследованных ею документов. Ее коллега А.Л. Грязнов в статье «Анализ неподлинных грамот XV–первой трети XVI вв. из фонда ГКЭ: Данная Евдокии Зворыкиной на земли на Локсомери» предлагает методику работы по теме.

Древнюю историю Ростовской земли исследует А.В. Сергеев в статье «Княжеское землевладение в Ростовском уезде в XVI–начале XVII вв.». Д.Ф. Полознев работой «Основание Казанского монастыря в Ярославле: реконструкция

корпуса источников и событий» обращается к прошлому Ярославля. А.О. Крылов рассматривает тему «Визит святителя Димитрия Ростовского в Чернигов в 1704 г.».

Статья Я.Е. Смирнова «Купец А.А. Титов под надзором полиции (новые документальные источники)» сопровождается впервые вводящимися в научный оборот архивными документами.

О.Р. Хромов в статье «Архив иконописной мастерской Лопачевых» и В.Ф. Пак в статье «Мастера финифти Ростова Великого в 1897 году (по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи)» рассматривают события художественной жизни Ростова: в первом случае – на примере комплекса источников по отдельной мастерской, во втором – по городу в конкретный исторический момент.

Известному памятнику древнерусского искусства посвя-

щает статью В.Г. Пуцко – «Высокая двусторонняя икона из ростовской церкви Бориса и Глеба: иконография и стиль». О.А. Сухова анализирует произведение ростовской финифти, оказавшееся в Муроме, – «Портрет С.С. Уварова на финифти с подписью мастера Сальникова в собрании Муромского музея».

Ряд статей рассматривает различные аспекты общественной и культурной жизни Ростова XIX–начала XX веков: А.Е. Виденева, «Братия Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря в середине XIX века»; С.В. Ерохина, «День колоса ржи» как форма организации благотворительного праздника в начале XX в. (на примере г. Ростова и других малых городов Ярославской губернии); В.П. Пушков, «Ярославцы – выпускники (1877–1916) и первокурсники (1917) Московского университета». В совокупности эти статьи представляют своеобразие Росто-

ва, «особое лицо» города.

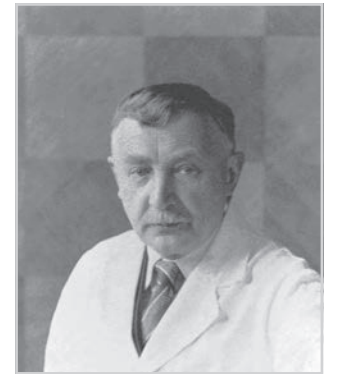
А.А. Горская в статье «Создание музея в Муроме. 1917–1920 гг.» сходные процессы видит в усилиях муромского общества по созданию в городе музея.

Ряд статей представляют собой очерки о деятелях истории и культуры: В.В. Иванов, «Ростовский математик Игорь Грушко»; А.В. и В.В. Ивановы, «Хранитель истории. К 110-летию со дня рождения В.Н. Иванова» (посвящена известному советскому музейщику, ростовцу по происхождению). О.В. Букреева в статье «Сочувствуя просвещению родного города...» (О роли И.А. Шлякова в деле народного образования) характеризует деятельность в школьном деле одного из основателей Ростовского музея.

А.Г. Морозов публикует исследование «Некрополь храма св. Троицы в Поречье-Рыбном второй половины XIX – первой четверти XX в.».

С Покровки на Покровку

По страницам книги
Я.Е. Смирнова
«Ростов Великий
и другие берега»

Представляем нашим читателям фрагменты книги кандидата исторических наук Ярослава Евгеньевича Смирнова «Ростов Великий и другие берега», издание которой планирует Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль».

В центре этого капитального труда, составленного на основе многих документальных источников, рассказ об Александре Андреевиче Титове (1878–1961) – видном ученом-химике, политике, деятеле послереволюционной эмиграции в Париже. Местом его вечного упокоения стало знаменитое русское кладбище неподалеку от французской столицы – Сент-Женевьев де Буа. Родиной его был – древний Ростов Великий.

Сын выдающегося ростовца – купца-историка и основателя музея Андрея Александровича Титова – он многое в своем характере, культурных и профессиональных устремлениях унаследовал от отца. Об их тесной духовной связи свидетельствует сохранившийся в ярославском областном архиве уникальный по своим объемам и содержанию фонд писем сына к отцу.

Более 750 корреспонденций – это живая летопись жизни семьи Титовых, их ростовских и ярославских родственников, духовного и интеллектуального становления Александра, общественно-культурной и политической жизни Ростова и Ярославского края в целом. Это хроника истории России последней трети XIX – начала XX века.

Данный бесценный документальный материал лег в основу обширного биографического очерка Александра Андреевича Титова (на фото 1950-х гг.), являющегося заметной частью будущей книги.

Одна из глав очерка – «С Покровки на Покровку» – повествует о гимназических годах Александра, когда он был учеником немецкого Петропавловского училища в Москве.

Выпуск составляют десять разделов. В разделе «Колоколоведение в России» В.И. Яковлев анализирует колокольную тради-

Колокола и колокольчики: Альманах / гл. ред. Н.С. Каровская и С.А. Старостенков. – Ростов, 2016. – Выпуск 1. – 312 с., ил. – ISBN 978-5-9908-342-1-7

цию как уникальный компонент памяти народов России на примере колокольных фестивалей Свяжска; И.В. Коновалов на основании обмеров профилией исторических колоколов показывает, как литейщики искали пути улучшения звучания колоколов.

В разделе «Колоколотейные заводы и мастера-литейщики» А.А. Глушецкий сообщает новые сведения об одной из династий пурехских литейщиков. Е.С. Соболева рассказывает о наблюдениях за литейной Гроссмайр в Инсбруке (Австрия).

Раздел «Колокольчики» пред-

ставлен работой А.А. Глушецкого и А.А. Каревского о проблеме декорирования ямских колокольчиков. Н.П. Яковлева в этом разделе публикует статью о ямских колокольчиках В.А. Кима.

В разделе «Региональная campanология» А.Е. Виденева публикует информацию по колоколам и колокольням Ярославской епархии XVIII и XIX веков.

Ростовским колоколам и звонам посвящен отдельный раздел альманаха. Е.А. Климин рассмотрел акустические исследования протоиерея Аристарха Израилева в контексте проблемы старения колоколов. А.Е. Виденева

и А.Г. Морозов публикуют договор о найме звонарей.

Заметки С.А. Старостенкова о колоколах и звонах в народной метеорологии и наблюдения К.К. Логинова над «колокольной» темой в традиционной крестьянской культуре Обонежья составили раздел по этноcampanологии.

Статья С.А. Старостенкова и Е.В. Шалаевой об использовавшемся российскими литераторами XIX века понятии «кампанизм» выделена в раздел «Колокольная фразеология».

Современная практика регламентации монастырской жизни

с помощью колоколов и бил рассматривается С.А. Старостенковым на примере греческого монастыря Панагии Довра – в разделе «Звонарские уставы».

Раздел «Зарубежная campanология» представлена очерком Дж. Боссиано о берлинском карильоне и М. Падовани – о веронской системе звона. Последняя публикация дана в сопровождении интервью campanолога, взятого И.Д. Боченковой.

Раздел «Подвижники» представлен очерком М.И. Пескова и А.Е. Иванова о звонаре Кировского (Мариинского) театра Петербурга Иване Матвееве.

Ростовский эмалиер Александр Алексеев: [каталог] / автор вступ. статьи, сост. В.Ф. Пак. – Ростов, 2016. – 160 с., ил. – ISBN 978-5-9908-342-3-1

Каталог выпущен музеем к открывшейся в рамках прошедшего в июле 2016 года III фестиваля «Ростовская финифть» персональной выставке Заслуженного художника России А.Г. Алексеева.

Книгу составляют биографический очерк, фотоальбом эмалей и классифицированный по коллекциям каталог.

Из мастерской художника вышло огромное множество эмалей. Каталог включил в се-

бя 187 произведений самого разного плана: монументальные панно и миниатюры к ювелирным изделиям, портреты, иконы и прочее.

Каталог – сводный, в него вошли произведения из коллекций Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль», Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства, Государственного Исторического музея, Магнитогорско-

го художественного музея, Оружейной палаты Московского Кремля, Пермской картинной галереи, Российского этнографического музея, музея фабрики «Ростовская финифть», Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Ярославского художественного музея, а также из частных собраний – коллекционеров Москвы и самого художника.

Важно отметить объем работы, который выполнил искусствовед В.Ф. Пак, выявляя произведения Алексеева в коллекциях, уточняя атрибуции предметов, организуя каталог.

Фотосъемку для каталога провели В.А. Абрамов, С.И. Метелица, Е.А. Сверч. Подготовку макета и издание осуществил московский художник и дизайнер И.Н. Ермолаев.

Сообщения Ростовского музея. – Ростов, 2016. – Выпуск 21. – 392 с., ил. – ISBN 978-5-9908-342-0-0

жена работой Т.Б. Карбасовой «Некоторые аспекты почитания преподобного Кирилла Белозерского в основанном им монастыре».

П.Г. Аграфонов сделал обзор «Ярославский край в шведских источниках XVII века». Неизвестный ранее документ, связанный с историей Переславля-Залеского, публикует М.А. Федотова: «Слово на освящение Смоленско-Корнилийской церкви: неизвестная проповедь Димитрия Ростовского».

А.Г. Морозов представляет фрагмент дневников конца XVIII века: «Ростовская земля в «Дневной записке путешественника в Нижний Новгород...» графа Александра Владимировича Орлова». Перу того же исследователя принадлежит статья «Повеления» графа В.Г. Орлова 18 июля 1774 г. о застройке

Борисоглебских слобод и об охране леса».

Т.Ю. Субботина публикует дневники костромского краеведа и коллекционера рукописей М.Я. Диева: «Годовые памятные записки М.Я. Диева за 1842–46 гг. в архиве музея «Ростовский кремль»». Эту публикацию дополняет подготовленный Н.Г. Резановой каталог «Документы семьи М.Я. Диева».

Е.И. Крестьянинова анализирует «Книжные собрания и книжность ростовского купечества XIX – начала XX веков».

Две статьи посвящены аспектам деятельности А.А. Титова: К.А. Степанов – «К вопросу об Андрее Александровиче Титове как земском деятеле»; Я.Е. Смирнов – «Деятели Костромы и Нижнего Новгорода в материалах личного архива А.А. Титова».

К.А. Степанов публикует статью «Ростовское уездное по призыву семейств нижних воинских чинов попечительство в годы Первой мировой войны».

А.Г. Мельник в статье «Новые данные о каменном строительстве в окрестностях Ростова XVI в.» представляет сведения из прошлого Борисоглебского и Воскресенского Карашского монастырей.

В.Г. Пуцко принадлежат статьи «Ростовские иконы XVI в. и Русский Север» и «Царские врата из с. Воскресенское – ростовский иконописный примитив XVI в.».

В.Ф. Пак в очерке «Николай Александрович Куландин. К 85-летию со дня рождения художника» рассматривает творческий путь одного из ведущих мастеров ростовской финифти.

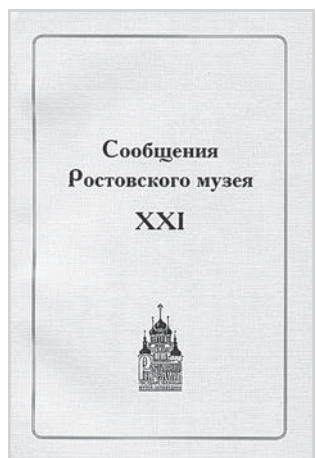
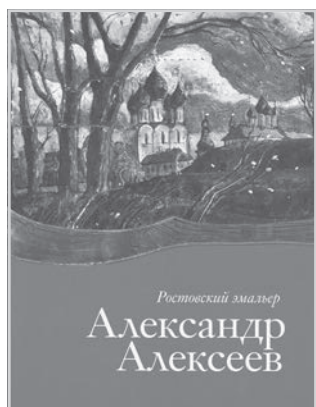
А.Л. Каретников в работе «Пора святой Марии в окрестностях

Ростова Великого» сообщает об итогах исследования урочища.

Е.В. Брюханова публикует «Воспоминания о Я.Н. Шапове (Из опыта совместной работы над каталогом сколков из личного собрания Шаповых)».

В.В. Левская в работе «Коллекция документов иеромонаха Валентина (Ляхоцкого) из собрания музея «Ростовский кремль»» представляет материалы о духовном писателе и краеведе. Л.Ю. Мельник в работе «Ботаник Михаил Петрович Ильин и его работа в Ростовском музее» публикует хранящиеся в музейном архиве рукописи исследователя местной флоры.

Завершает выпуск составленный Л.Ю. Мельник указатель статей в научных изданиях Ростовского музея за 2001–2015 годы – продолжение указателя за 1991–2000 г. (СРМ. Вып. 11).

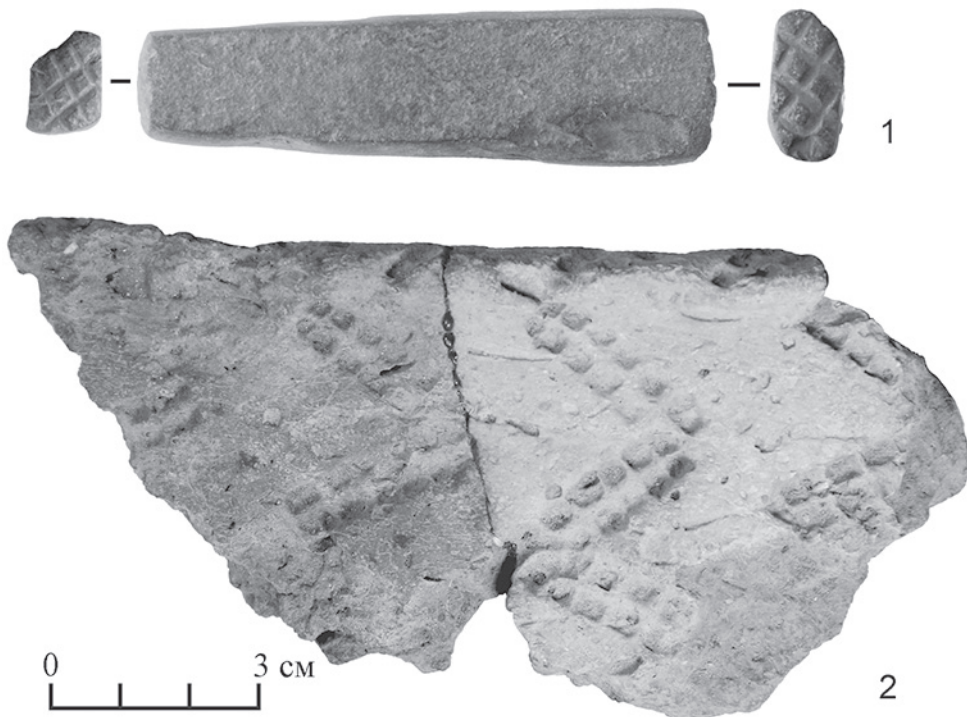

Выпуск включает 20 научных статей. Открывает сборник статья А.Г. Мельника «История распространения почитания св. Петра митрополита на Руси в XV–XVI веках». Тема продол-

Древнейшее прошлое Ростовской земли От Балтики до Урала. И Неро — в центре

Продолжение.
Начало в «РС», № 168

В результате от Риги до Нижнего Новгорода, от Оки до Онега распространилась одна культура, которую называем волосовской. Где-то в ее состав вошли и льяловцы, но объединяла, интегрировала культура валдайских мигрантов. Их культурные нормы вошли в быт и соседней — в Карелии, кое-что попадает и на Среднюю Волгу, иногда волосовские сосуды, орнаменты, а более всякие диковинки можно встретить и на Каме, и даже за Уралом. Их общая культура была более сложной, чем у обособленных, замкнутых льяловских племён. Их мифология уже требовала изобразительности. Появляются роговые, янтарные, кремнёвые фигурки зверей, птиц. В каких обрядовых действиях они использовались — тексты не сохранились. Но что они были — можно увидеть по сюжетам, выбитым на гладких гранитах Онежского озера и Белого моря (увы, скал у нас нет, но миниатюрные кремнёвые фигурки изображают тех же персонажей, что и карельские). Могильники, какие неоднократно встречены на волосовских поселениях, — это не совсем кладбища. Тут помещались предки, которые и после смерти участвовали в обрядовой жизни.

На фото: Двусторонний штамп для нанесения орнамента на сосуд (1) и фрагмент верхней части орнаментированного сосуда (2), волосовская культура, вторая половина III тыс. до н.э. Иллюстрацию подготовили А. Каретников, С. Григорьев

Иногда — в виде медведя, но также и ряженого человека в маске предка: великолепная маска хранилась на таком могильнике в Ивановской обл. (стоянка Сахтыш 2). Знакомы волосовцам были и музыкальные инструменты, подражавшие голосам животных. Это были действительно

люди озер, рыбаки и охотники. На стоянках Ивановского торфяника, где сохранилась маска предка: великолепная маска хранилась на таком могильнике в Ивановской обл. (стоянка Сахтыш 2). Знакомы волосовцам были и музыкальные инструменты, подражавшие голосам животных. Это были действительно

металла. Степные и лесостепные соседи уж тысячу лет пользовались рабочими инструментами из бронзы, а не только украшениями. В Карелии освоили ковку самородной меди для всякой мелочи. Ни одного медного предмета в волосовской культуре нет.

Владимир Сидоров

К 800-летию упоминания церкви святой Марии Египетской Рассказы и предания о «Святом колодце»

Андрей Александрович Титов был первым, кто осуществил широкую фиксацию устной крестьянской традиции Ростовского уезда. Благодаря его книге 1885 г. «Ростовский уезд Ярославской губернии» стали известны многие крестьянские рассказы и предания, в том числе о «Святом колодце» и Горе святой Марии. Дело А. А. Титова не было забыто. В 2000-е годы к фиксации и изучению устной традиции обратилась комплексная научно-исследовательская и собирательская экспедиция музея «Ростовский кремль». Материалы экспедиции — 7 томов — хранятся в музейном архиве. Ниже публикуется рассказ Алевтины Васильевны Байковой, 1941 года рождения, записанный автором 29 июля 2006 г. в с. Фатьяново. Он включен в один из экспедиционных отчетов музея «Ростовский кремль».

— И пойду в лес на святую Марию... Хоть в какое вот время придешь, хоть холодное, хоть нехолодное, раздеваешься, купаешься, и, ты знаешь, какое облегчение, просто прямо как на крыльях.

— А где там купаться, он ведь там небольшой, родничок-то?

— А ты знаешь, какой этот родничок? Я сначала не обращала внимания и не замечала, потом нечаянно как-то заметила: ко-

гда приходишь — тишина на этом родничке, ни водички, ничего, просто тихо, да, потом начинают пробиваться вот такие роднички оттуда, и вода на четверть прибывает там, лягушечки там копошатся в уголке, вот оживает. Когда молиться начинаешь, он оживает. Когда моление заканчиваешь — и все, водичка куда-то уходит, и все успокаивается. Это вот я заметила. И это Файка (жительница с. Филимоново. — А.К.)

мне сказала — да, гот да и мы заметили.

И этот родничок святой Марии, он целебный что ли, и как Господь там это... предсказывает людям. Вот если человек очень сильно болеет, то... ручеек-то был поильнее тогда, сейчас утих, потому что к нему никто не ходит, никто не молится, а это ведь велико дело, чтобы он действующий-то был. Вот и клали корочку хлеба на эту водичку, и если кружится-кружится корочка на одном месте, она никуда не уплывет, пристанет к бережку — это значит, человек будет жить, хоть и он болеет сильно... Если человеку не жить, она круганется тут и потечет к этой часовне туда, и человек умирал.

И вот туда я все ходила читать-то. Уж больно хорошо! Ну такая благодать на душе, дак просто высказать невозможно... Я читала Псалтырь... а дальше все молитвы покаянные на все грехи. И вот читать

надо часа два — и не всякий выдержит. Вот я сама-то сколько раз падала... Сколько раз я вот так ходила, и было так, что пока я читаю, никакого дождика никакого ничего... солнышко светит и птичка поет. Как только последнее слово сказала, книгу закрыла — и дождик! Сразу...».

А.В. Байкова рассказала предание о возникновении колодца, которое не только повторяет услышанное А.А. Титовым, но и дополняет его:

«...Они заперлись там все, скит, говорят, там был, и вот в этом скиту при нашествии... они решили: лучше умереть, чем отдаться им в плен. И они все собрались, заперлись... а эти (враги. — А.К.) подошли их. Они там все сгорели, и когда... уж догорало, колокол-то, медный колокол-то, и вот он... обгорел, на чем он прикреплен-то был-то, и... покатился с этой горы вот сюда, и в этой трясине он увяз, и стал родник...».

Алексей Каретников

На фото: 1. Местность «Святой колодец» в 2008 г.; 2. Крестный ход к «Святому колодцу» (июль 2015 г.)

О трудовом договоре сидельца в купеческой лавке

В маклерских книгах Ростова конца XVIII — начала XIX века отложились договоры о найме ростовскими купцами себе в приказчики и сидельцы в лавки лиц разных сословий. Обыкновенно — купеческих сыновей или посадских родного города.

Рассмотрим договор, изложенный от имени ростовского посадского Семена Дмитриева Исаева. В нем значится, что 1 сентября 1803 г. Исаев нанялся к ростовскому купцу Андрею Федорову Селиванову сидельцем в лавку сроком на два года. Отмечено, что данную лавку Селиванов снял в Ростове по договору у ростовского же купца Петра Матвеева Емельянова, которому в центре города принадлежало немало лавок, сдаваемых в аренду.

В лавке Исаев должен был продавать его, Селиванова, съестные товары, а также делать все то, что будет приказано хозяином. В числе конкретных обязанностей Исаева указаны: приготовление кваса и калачей к продаже, забой баранов, — очевидно, для мясных закусок. Делать это предстояло со всяким усердием и прилежанием так, как Исаев это делал бы для себя самого.

В обязанности Исаева входили служебные командировки. Селиванов мог отправить его для закупки съестных припасов в несколько крупных ростовских торговых селений: Угодичи, Поречье и Борисоглебские слободы, где дважды в неделю устраивались крупные базары, а в Борисоглебских слободах, кроме того, в мае проходила ярмарка.

Следующий пункт договора касался одежды и обуви нанимаемого работника. Исаев в течение всего двухлетнего срока работы был обязан иметь свои собственные верхнюю и нижнюю одежду и обувь. В некоторых подобных контрактах, особенно заключенных на более длительные сроки, купец-работодатель мог предоставлять работнику одежду и обувь за свой счет.

Важным вопросом при за-

ключении таких договоров являлась оплата труда. Обычно в договоре записывалась сумма за весь срок работы. Но иногда оговаривалось, какая сумма будет причитаться на год. В данном случае Исаев договорился получить от Селиванова за все два года работы в лавке сумму в 260 рублей.

Почти всегда при заключении подобных договоров нанимаемому выдавался некоторый денежный аванс. Исаев получил авансом 50 рублей. Остальная сумма должна была выдаваться частями, и при расчетах за работу Исаев обязался в получении этих денег расписываться. Обычно расписки делались на обороте подлинного договора.

Типичным для договоров найма было обязательство работника соблюдать определенные правила поведения в послушании и не выказывать никаких дурных качеств, например, не пьянствовать. При нарушении данного пункта хозяин мог уволить работника от должности до истечения срока договора.

Значимым являлось обязательство работника — не уходить со своей должности до истечения оговоренного срока, даже если его сманивали в другое место более значительным окладом.

В заключение стороны обязывались блюсти договор «свято и нерушимо» в течение всего срока действия. Отмечу, что ростовский посадский Семен Дмитриев Исаев был грамотным, поскольку сам поставил на договоре свою подпись.

Итак, рассмотренный договор был заключен 1 сентября 1803 года. А уже 2 сентября стороны представили его в Ростове для записи в маклерскую книгу. Запись договора под № 108 в эту книгу сделал маклер Алексей Привалов.

Ниже отмечено, что сам документ маклеру представил Семен Исаев. После записи в маклерскую книгу подлинный договор под роспись взял к себе Селиванов.

Договор ростовского посадского С.Д. Исаева о найме продавцом в лавку к ростовскому купцу А.Ф. Селиванову, заключенный 1 сентября 1803 г.

№ 108. Сентября 2. 1803 года, сентября 1 дня, ростовский посадский Семен Дмитриев сын Исаев дал сие условие ростовскому купцу Андрею Федорову сыну Селиванову в том, что нанялся я, Исаев, у него, Селиванова, от вышеписанного числа впредь на два года в здешнем городе Ростове в наемной лавке оным Селивановым у ростовского купца Петра Матвеева сына Емельянова продавать его, Селиванова, съестные товары, и что заставлено будет сработать, то должен я как квас и калачи, и убить баранов, и приготовить к продаже, со всяким усердием и прилежанием — так, как свои собственные. Ни в чем упущения мне, Исаеву, не делать. И если же оной Селиванов меня, Исаева, когда будет и в уезд посылать, а именно в Угодичи и в Поречье, или к Борису и Глебу для какой-либо покупки, то мне, Исаеву, ехать безоговорочно. А одежду, как верхнюю так и нижнюю, также и обувь иметь мне, Исаеву, от себя. А ценою договорился я, Исаев, от него, Селиванова, за означенные два года получить двести шестьдесят рублей. Из оной суммы получить наперед пятьдесят рублей. А последние получать по частям, и на договоре в получении расписываться. А мне, Исаеву, у него, Селиванова, означенные два года жить во всяком послушании и исправности, и никаких худых качеств не делать, от чего боже опасаю как от пьянства, так и от других дел, а что будет усмотрено оным Селивановым, то волен он меня, Исаева, за такие поступки от должности решить безо всякого времени. В случае кто-либо станет сманивать, то я до показанного времени сходить ни под каким видом к другому никому не должен, хоша давать плату будут кто и более, то мне, Исаеву, ни на что не соглашаться и мне ж, Селиванову, оного Исаева до показанного времени держать, и содержать сие условие как мне, Исаеву, так и ему, Селиванову, с обоих сторон свято и нерушимо, в чем под сим и подписуюсь. К сему условию ростовский посадский Семен Дмитриев сын Исаев.

1803 года сентября 2 дня сие условие от ростовского посадского Семена Дмитриева Исаева, купца Андрея Федорова Селиванова в Ростове у маклерских дел явлено и в книгу под № 108 записано. Маклер Алексей Привалов.

Ниже подписано: Означенное условие явил Семен Исаев. Подлинное условие ростовский купец Андрей Федоров Селиванов взял и расписался.

Александр Морозов

С Покровки на Покровку

Мысль о том, что Саша непременно должен учиться в немецком училище, принадлежала во всем практическому и основательному Андрею Александровичу Титову. «Мой отец всегда говорил, что отдаст меня учиться “к немцам”, так как, по его мнению, и дисциплины у немцев было больше, чем в казенных гимназиях, и обучение иностранным языкам поставлено лучше». Прицел ростовского купца был дальновидным: уже более десяти лет в его доме жила и обучала детей немецкому языку гувернантка, выписанная из Германии через пастора московской Петропавловской евангелическо-лютеранской церкви, при которой это училище и существовало. Ко времени поступления Саши в немецкую школу здесь учился его старший кузен – Александр Вахромеев (сын ярославского купца-промышленника и городского головы), отданный сюда также «по совету» своего ростовского дяди. Позже к обоим Александрам присоединился еще один Вахромеев – Сергей.

Немецкое Петропавловское училище, имевшее гимназическое и коммерческое отделения, издавна славилось высоким уровнем преподавания и подготовки учащихся. В основанной еще в первой половине XIX века школе, по словам писателя А. М. Ремизова, «учились не только дети московских немцев, но и дети того тесного культурного купеческого круга, о котором Островский не имел никакого понятия». Припоминая малокультурных замоскворецких купцов из драм А. Н. Островского, известный писатель имел в виду, в противовес их «темному царству», довольно узкий и в то же время заметный слой московского просвещенного купечества, наиболее яркие представители которого из поколения в поколение тянулись к высшим образцам культуры, создавали бесценные коллекции, открывали музеи, театры, больницы, становились плотью от плоти отечественной научной и художественной элиты.

Сам Алексей Ремизов, лишь годом старше героя нашего повествования, был выходцем из этого круга столичных именитых купцов. Его родной дядя по материнской линии – знаменитый Николай Александрович Найденов (1834–1905) – крупнейший торгово-промышленный деятель, председатель правления Московского торгового банка и председатель Московского биржевого комитета прославился еще и как исследователь истории московского купечества и меценат-издатель. Н. А. Найденову, являвшемуся ближайшим сотрудником историка И. Е. Забелина, принадлежал «циклопический труд» описания всех московских церквей, подготовки капитального – девятого – издания «Материалов для истории московского купечества» (М., 1883–1889).

Уже в Париже, в эмиграции, А. М. Ремизов вспоминал (как, однако, схожи судьбы многих из того поколения русских интеллигентов!) заораживавшую атмосферу в дядином доме, открывшуюся ему однажды в его московском детстве: «За ужином дверь в столовую поминутно отворялась, и нам было слышно. Разговор шел о старинных московских церквях, всем видимых, и о таких, след которых терялся в летописях и писцовых книгах, о церквях “ушедших”. Говорили в несколько голосов. Старая Москва оживала в веках. (...) И потом, возбужденный, как сказкой, я вышепывал отдельные слова и имена из московского XVI века, перечислял

улицы и церкви, канувшие, как Китеж (...). И мне непременно захотелось узнать, кто был тот старик рассказчик, пробудивший мою дремавшую память, – и мать мне сказала, что это большой приятель моего дяди Н. А. Найденова, историк Иван Егорыч Забелин».

А ведь сугубого «славянофила» Н. А. Найденова, с которым был знаком и состоял в переписке его ростовский коллега по собиранию русской старины – купец Андрей Александрович Титов, «в жизнь вывела немецкая школа». Н. А. Найденов окончил московское Петропавловское училище и даже оставил о годах своего ученичества воспоминания. «По-немецки» учились братья Н. А. Найденова и его сестра – Мария Александровна – мать А. М. Ремизова. О ней он писал: «Образование она получила хорошее, училась на немецкий лад в Петропавловской лютеранской школе, и в духовном развитии и устремлениях шла вровень с передовыми русскими женщинами своего времени». Крестный отец Алексея Ремизова, «Виктор Александрович Найденов, как и все его братья и сестры, окончив Петерпаульшуле, уехал в Англию и после пятилетней науки вернулся в Москву на Земляной вал “англичанином”». И были у него дома «в обиходе не филипповские и чувские пирожные изобретения и не от француза Трамбля, а сухое английское от Бертельса. А в его библиотеке не русские, а английских и немецких имен стена».

В привилегированном, как считалось, Петропавловском училище обучались дети, преимущественно, средней и крупной российской буржуазии. Среди его питомцев, к примеру, был сын знаменитого «водочного короля» Петра Арсеньевича Смирнова (кстати, выходца из ярославских крестьян – тех самых «ярославских расторопных мужиков», известных своею сметливостью, упорством и трудолюбием на всю Россию, о ком еще Гоголь слогал восторженные оды) – Владимир Петрович Смирнов (1875–1934), которого сразу после окончания «Петри-Пауле шуле» отец направил в Китай, где он в Харбине и Шанхае создавал отделения смирновской фирмы. Одногодок Александра Вахромеева, Владимир Смирнов, вероятно, учился с ним в одном классе, а потому уже в те школьные годы вполне мог знать и с Александром Титовым. После большевистской революции В. П. Смирнов, как и Ал. Ан. Титов, оказался в эмиграции – сначала в Турции,

На фото: 1-2. Две Покровки – в Ростове Великом и Москве. Почтовые карточки, конец XIX в.; 3. Саша Титов – гимназист. 1889. Фото из архива автора

Болгарии, Польше, а затем во Францию, и также оставил свои уникальные воспоминания, записанные в Ницце.

В числе известных выпускников немецкого Петропавловского училища был крупный русский ученый – физик Петр Николаевич Лебедев (1866–1912), кстати, также происшедший из купеческой семьи. С ним, молодым приват-доцентом факультета Московского университета встретился в 1897 году студент-первокурсник Александр Титов (и будет держать у Лебедева экзамен за первый курс), а затем, по возвращении из Германии в 1904 году, после успешной защиты докторской диссертации, станет его коллегой на факультете и в Физическом институте университета.

В тот учебный год, когда Саша Титов поступил в немецкое училище, его заканчивал другой приметный в российской истории деятель – Вацлав Воровский (1871–1923), избравший делом своей жизни революционную пропаганду. Его, пламенного сотрудника ленинской «Искры», публициста и литературного критика, сам вождь мирового пролетариата числил среди «главных писателей большевиков». Еще один не менее даровитый выпускник московского Петропавловского училища, Максим Штраух (1900–1974), – языком «величайшего из искусств» проводил ленинские идеи в жизнь. Один из первых исполнителей роли Ленина в кино, – по его работам в фильмах «Человек с ружьем», «Рассказы о Ленине», «Ленин в Польше» целые поколения советских граждан воспитывались на коммунистическом мифе о «человечнейшем человеке». «Ну-те, ну-те, батенька!» – по-доброму, но с каким-то лукавым прищуром говаривал экранный Ильич. За эти талантливо и мастерски воплощенные «эпохальные» образы советское государство отблагодарило Максима Максиминовича – выходца, между прочим, из обрусевших мо-

сковских немцев (его батюшка, Максим Августович Штраух, кстати, служил доктором в Петропавловском училище в то самое время, когда там учился Саша Титов), удостоив его званием Народного артиста СССР.

Андрей Александрович Титов, отдавая сына на выучку «к немцам», опирался на традиции и опыт того слоя просвещенных столичных купцов-промышленников, с которым сам он постоянно находился в деловом, культурном и дружеском контакте. Поэтому еще задолго до поступления Саши в немецкое училище выбор этот был predetermined.

Хорошее образование и знание языков, считал провинциальный купец, непременно должно способствовать развитию семейного бизнеса на качественно новом уровне, и на Сашу тут возлагались большие надежды. Возвращаясь в начале сентября с Нижегородской ярмарки не Волгой, как обычно, а через Москву, Андрей Александрович заехал к Саше в пансион, располагавшийся на Чистых прудах. О чем беседовали отец и его одиннадцатилетний сын, прогуливаясь переулками старинной Покровки, можно только гадать, но наверняка тогда в их разговорах присутствовала и тема будущего «титовского дела», а значит, и его – Сашиного будущего, во имя которого ему теперь приходилось жить и учиться вдали от семьи и родного ростовского дома.

Отныне их встречи – в Москве ли, в Ростове ли – станут не столь частыми, но всегда обоюдно желанными. А их письма – порой не по одному за неделю! – явятся летописью личностного взросления гимназиста Александра Титова, происходившего на фоне постоянно менявшихся декораций ростово-московской жизни.

Уже с первых дней жизни в столице, по собственному пожеланию признанию Александра Андреевича в мемуарах, «интересы гимназии все-

цело завладели» им. Но даже при этом мальчик тосковал по Ростову и родному дому, и все время продолжал интересоваться и жить делами его многочисленных обитателей – родни и прислуги, своих ростовских друзей и знакомых. И всегда мечтал о новом возвращении на побывку домой – на праздники или каникулы. Как по-детски трогательно было вот это его – ученика 2-го класса московской гимназии – признание: «Мы все считаем, сколько дней осталось до отъезда. Теперь осталось ровно 3 мес[яца] – 91 день». А это письмо первоклассника Саши Титова к сестре Але, датированное 3 февраля 1890 года, было написано вскоре после возвращения в Москву из Ростова, где он провел свои первые рождественские каникулы. И вновь оно погружает нас в атмосферу многолюдья титовского дома. Короткое письмо буквально пестрит именами из временно покинутой мальчиком ростовской жизни. Однако главное, чем оно неизбежно привлекает своего читателя, – это его тональность. Письмо пронизано душевной заботой о людях, глубоким чувством уважения не только к старшим или равным по возрасту членам семьи, но и ко всей домашней прислуге, даже почитанием ее, что в доме Андрея Александровича Титова детям прививалось с молодых ногтей.

«Милая и дорогая моя! Извини меня, что не написал тебе еще ни одного письма и также за то, что я оскорбил тебя, сказавши, что твои письма ничего не стоят. Это была только нечаянная вспышка с моей, а также и с твоей стороны, что ты, конечно, тоже сознаешь, и как я тебя знаю, как мою любимую сестричку, не будешь считать это за проповедь с моей стороны и не будешь надо мною смеяться. Мы уже дома помирились и теперь давай помиримся опять, но уже навсегда, и будем всегда друзьями, как и прежде, и будем стараться как можно чаще писать друг другу, а прошлое все позабу-

дем. В этом письме я шлю тебе 4 иностранные марки, и ты их спрячь и не потеряй их. У меня много очень уроков, и я при всем своем желании не могу написать тебе большого письма. Мне задано начертить карту Африки, что я, наверно, делаю очень долго, потому что делаю это еще в первый раз. Я слышал, что отец Николай (Чуфаровский. – Я. С.) у тебя не был; напиши мне, что с ним случилось. Передай также мое письмо Дуне. Если горничная Аннушка сегодня именинница, то поздравь ее от меня. Напиши мне также, когда будут именины Дуни и Ивана Михайловича. Поцелуй за меня мою крестницу (Сашенька, дочь Н. М. Кайдалова. – Я. С.), бабушек (Олимпиада и Елизавета Ивановны Титовы. – Я. С.) и Лизочку и поклонись от меня дяде Коле и дяде Саше (братья Кайдаловы, работавшие в магазине Ан. Ал. Титова. – Я. С.) и Лизавете Ивановне (Кайдалова, супруга Николая Михайловича. – Я. С.), а также всей нашей прислуге и Николаю Васильевичу Верховому (приятель Ан. Ал. Титова, краевед, издатель газет «Ярославский вестник» и «Ярославский посредник»). – Я. С.). Где теперь Артынов? Много ли напротив нас стоит солдат? Много ли у тебя теперь уроков? Играешь ли как-нибудь? Я играю теперь с детьми в школу, но больше учусь, читаю и гуляю. Напиши мне, чем ты теперь занимаешься и где больше находишься. Ходишь ли гулять на Покровку? Я тоже каждый день хожу по Покровке в школу и из школы. Катаешься ли ты с мамой?

Напиши мне поскорее. Прощай, будь здорова, нянюшкам я напишу, и если не успею, то поцелуй их за меня. Я, может быть, напишу также Андрею (кучер Титовых. – Я. С.). Заочную целую тебя и поздравляю с наступающей масленицей и остаюсь любящий тебя и преданный тебе и от всего сердца желающий тебе всего лучшего брат твой А. Титов».

Ярослав Смирнов

О жизни крестьянской — этнографическое описание 1926 года

В выпусках РС № 173 и 174 я публиковала фрагменты экспедиционных дневников музейных сотрудников середины — второй половины 1920-х годов.

Продолжаю этот цикл этнографическим очерком Е. К. Смирновой, составленным летом 1926 года.

Е. К. Смирнова приехала в Борисоглебскую волость и в течение десяти дней обследовала село Вожажниково (где разместилась на срок командировки в местной школе 1-й ступени — бывшем доме графов Шереметевых) и две деревни вожажниковских окрестностей — Кулелево и Тумаково. Основное внимание было уделено именно последней деревне (на расстоянии 1 версты от Вожажниково), «захвачена» была и соседняя деревня Кулелево — в полуверсте от первой. Очерк выполнен добросовестно, грамотно, четко отделены факты от мнений, наблюдения от воспоминаний. Он представляет собой ценный источник сведений не только о крестьянской жизни конкретного региона, но и о постановке исследовательской работы в музее 1920-х годов.

В самом селе Вожажниково работа почти не велась, обращено лишь внимание на украшения домов: преобладает новый выпильный узор на наличниках и выпильные, накладные украшения на дверях домов. Стройка домов больше новая, богатая, дома обычно с высоким подпольем (2 1/2 ар[шина]) для картофеля; крыты часто железом.

Записаны рассказы о графах Шереметевых, в особенности о графине Параше, уславцевской крестьянке, о самом доме, с которым связывают имя графского камердинера, замурованного в стене за любовь его к графской дочери; отношение крестьян к графам, и наоборот, принятие крестьянами манифеста об освобождении и др[угие]. <...>

Старым типом дома в д. Тумакове и Кулелеве являются 3-оконный или 5-оконный дом с двором рядом, выходящим на посад и крытым под одну крышу с домом. Двор очень обширный с двумя въездами — сбоку и с улицы; планировка дома — впереди изба с русской печью, затем мост и сзади горница (сохранились 3 таких дома с двором рядом). Новые дома строятся на городской манер — с планировкой — впереди чистая половина, затем изба с русской печью, мост и сзади холодная горница.

Старые дома (прибл[изительно] 1820–40-х годов) имеют под крышей резной

карниз, с узором, либо переплетающихся кругов, либо ромбов, либо полукруглых розеток. Дом крестьянки А. Р. Лубакиной, которому она насчитывает 100 лет, имеет, кроме карниза, пропиленные на концах свесы-доски, идущие вниз от коньков, по краю крыши <...>.

Наличники старых домов просты по форме, с резным украшением в виде розетки, над рамой окна (см. зарис[овки]) (ил. 1).

Резьба новых наличников пиленая, с карточными фигурами — червонки, либо запутанным цветочным орнаментом. Окраска новых наличников белая, старые наличники не окрашены совсем, ставни встречаются лишь у старых домов наружные, двухстворчатые без узора, у кр[естьянки] Лубакиной имеются в горнице внутренние ставни на старых железных петлях.

Что касается внутреннего убранства изб, то в старых — это лавки по стенам, стол в переднем углу, «голобец» — дерев[янная] лежанка у печи со входом в подполье, «полавошник» — «посудник» у печки, и деревянная кровать в заднем углу.

В новых домах лавки заменены стульями, стол ставится часто посредине комнаты, голобец исчезает так же, как и матица — большая балка, идущая наверху через всю избу.

Стены почти во всех домах (искл[ючая] 1-2) окле-

ны газетами в бедных домах и обоями — в богатых; подоконники — белой бумагой, либо окрашены белой краской (3-5 домов — с некрашеными). Любимое украшение стен — фотографии «питерцов» (в каждой семье, бывало, жили в Питере), а также всевозможные этикетки от чайных ящиков, коньяков, конфет — безвкусно и просто.

Строят дома в «угол», т.е. в «чашу», дворы строят уже не на «в столбы» (в бабу), а также «в угол», т[ак] к[ак], по мнению крестьян, первый способ не годится, основные бревна-«столбы» часто опускаются, стены «коробятся», получают наверху щели.

Дворы теперь строят теплыми, мшат: «чем теплее скотине, тем меньше надо ей корму» — помнит каждый.

Покрытие крыши — чаще солома под щетку, затем дранка и железо. Существуют два способа покрытия соломой: 1-й «по-польски» — когда солома привязывается колоском кверху, «гузковой» вниз, и по окончании покрытия расчесывается особой щеткой, 2-й «по-хохлацки» (2-3 дома) — когда солома кладется колосом вниз, щеткой не чешется — получается грязнее. Распространен в деревнях первый способ. Чтобы покрыть соломой 5-стенный дом [в] 6-5 окон, идет 2.000 пучков соломы, что составляет 4.000 снопов; «под жердь» — «под петушинный» кроют лишь сараи довольно редко, соломы идет в 2 раза меньше, чем «под щетку».

Из сельско-хозяйственных построек встречаются житницы (типа Карашской волости) и сарай для сена, который имеет каждый хозяин, где кроме сена хранятся обычно сани, телеги и др[угие] хозяйственные вещи.

Овинов нет, как редкость встречается полурижье, распространена всюду рига.

Бань отдельно не строят, моются в печках.

Характерным колодцем является колодец «с журавлем» для д. Тумаково, для Вожажниково — колесом под крышей; сруб колодца обычно кладется «в замок».

Типом телеги этого района является «дрога» — удобная для возки сена, дров, снопов, в лес же за бревнами ездят на «ропусках» — это небольшая узкая телега в виде корыта, для возки длинных бревен ее снимают с передних колес и «ропускают» по длине бревен.

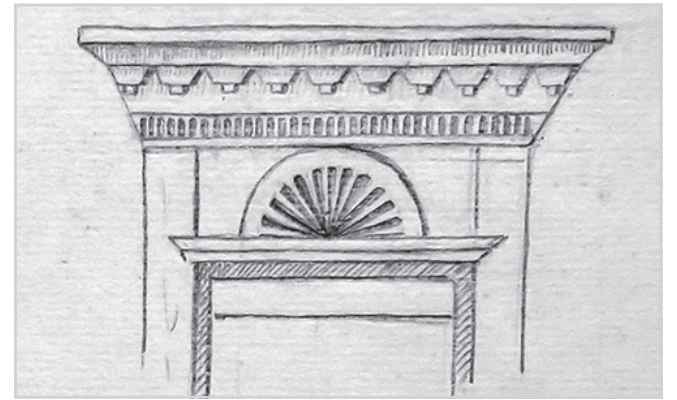
Преобладающая культура — рожь и картофель, пшеницу за последние годы не сеют вовсе, льну сеют немного, «хлопотно с ним». Овес сеет также каждый крестьянин. Землю обрабатывают плугом, появившимся в 1907 году. <...> Бороны деревянные (делают их в д. Кулелеве), железных борон мало, «распашка» существует лишь для подсыпки картофеля.

«С травой» — с покосом плохо, сена почти всегда не хватает, косят «перелого», запущенные полосы и всей деревней косят луга. Покос луговой хотя предварительно делят по количеству едоков, но косить, шевелить и сгребать должны все вместе, для чего в деревне на время сенокоса ставят «доску»: на 4-х палках прибивается доска, в которую бьют палкой, когда нужно отправляться на работу. Девочки косят наравне с мужчинами, отправляются же шевелить и сгребать с песнями; после «сгребания» в копны каждый ставит на своей копне «мету», сделанную либо из сена, либо из прутьев, затем каждый везет свое сено домой.

Управившись с сенокосом, принимаются за жнитво, зажинают обычно 2-3 снопа, и на этом работа в первый день кончается, «по настоящему» жнитво начинается уже на следующий день. Половина деревни жнет, другая молотит, т[ак] к[ак] риги имеются не у всех, молотят «цепами».

Безлошадных в деревне 3-е, корову имеет каждый, у многих овцы и поросята. Пастух из Вожажниково (которого боятся, т[ак] к[ак] считают колдуном), в других деревнях пастухи из Владимирской губернии.

Скотину выгоняют около Егорьева дня, если поздняя весна, то и после; перед вы-

Ил. 1. Зарисовка наличника, выполненная автором рукописи

гоном обходят скотину с иконой, вербой, крещенской водой и окуривают ладонем из особой глиняной «ладоницы», скотину провожают до поля, где она будет пастись, и там выливают воду, а вербочку втыкают в землю. За пастухами «ухаживают», бабы кормят его хорошо, стараются, чтобы он был доволен, и не «портит» бы их скотину. За корову и лошадь кормят по дню, 4 овцы идут за корову — за 1 день.

Сзади каждого дома имеется огород, где сажают овощи для своего «обихода» — капусту, лук, морковь, свекла, гряды копаются мужчинами, «обихаживают» же огород женщины.

В свободное время занимаются для себя рыболовством, ловят «вершами» — плетушками из прутьев и удочками.

Из кустарных промыслов имеются следующие: в д. Кулелеве делают деревянные бороны — из мозжухи и дуба, и там же плетут из березового лыка лапти, корзинки, лапотошники и др. В деревне Тумакове имеется маслобойка, только что начавшая свою работу (выстроена в 1925 году), на которой бьют масло и мелят-толкуют овес на муку.

Питаются крестьяне плохо, белые пироги пекут лишь в праздники, в будни — черный хлеб, летом мяса ни у кого нет, меню очень однообразно, едят щи кислые, картофельный суп «с забелкой» — со сметаной, картошку либо грешневую кашу и молоко, на первое делают летом

окрошку — картошка с луком, постным маслом, разведенная квасом. Зимой с осени начинают есть мясное. В сенокос пища улучшается — на второе на обед варят «белую» пшеничную кашу, затем ежедневно пекут белые пироги, либо белые хлебцы — куличики.

Особый стол бывает, конечно, в свадьбу и похороны — это 3 мясных супа, из которых один — лапша, затем студень, жаркое и пр[очее], на похоронах же обязательно овсяный, либо клюквенный кисель.

Что касается одежды, то сведения собраны лишь по рассказам, в сундуках ничего не сохранилось; старая мужская одежда состояла из домотканой рубахи и штанов, зимней одеждой был полубубок; время графа Дмитрия Петровича (1800 г.) отразилось на мужской одежде: «взяли моду» с графа носить «сибирку» — это длинная, по лодыжку, суконная одежда на манер сюртука, летняя на подкладке, зимняя на вате или меху, на голову к ней надевался ваточный картуз «с долгим» козырьком. Сибирка держалась недолго, сменилась 1840-60 г[оды] «померстодами» — сюртуками до колен (праздничная одежда), затем появилась «бекешка» — покроя полушубка, в талию со сборками, шили зимние и летние. В конце XIX и начале XX века появился пиджак, теперь сменяющийся толстовкой.

Публикацию подготовила
Любовь Мельник
Окончание —
в следующем выпуске «РС»

Об отдаче в аренду ловли рыбы и раков на реке Которосли

В Ростовском музее хранится книга Приимковского вотчинного правления за 1822 г. В ней содержится приговор об «отдаче» на 5 лет ловли рыбы и раков в Которосли крестьянам д. Бакланово Е. Скарредову и И. Цыбанову.

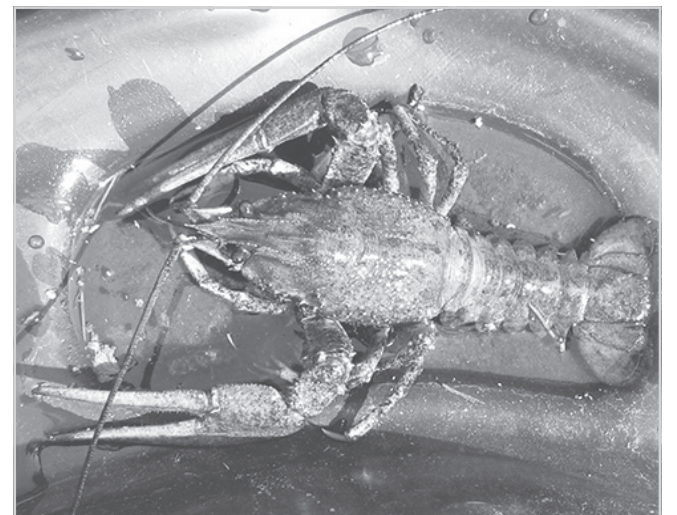
В документе имеются сведе-

ния об аренде за 830 руб. годовых ловли рыбы и раков на участке Которосли — от соединения рек Вексы и Устья, и вниз по течению до р. Черная, а также в озерах (старцах). Высокая сумма арендной платы (в 1813 г. хорошая тягловая лошадь стоила 150 руб.) свидетельствует

о наличии в водоемах большого количества рыбы и раков. Поставка раков по 10 руб. за 1000 шт. только в контору вотчинного правления указывает, что река кишела раками, а вода была чистой (с 1977 г. раков в Которосли почти нет, а воду нельзя пить даже после кипячения). Для то-

го, чтобы поймать больше рыбы и раков и, как следствие, получить больше денег, приговор разрешил арендаторам передачу права «розничной» аренды.

Данный источник представляет самостоятельный интерес и поэтому ниже публикуется полностью.

На фото: рак средних размеров, пойманный жителем д. Стрелы Николаем Гореловым в реке Которосль в 2014 г.

написаны также черными чернилами — К.С.).

ГМЗРК. Ф. 360. Оп. 11. Д. 4. Л. 34, 34 об. Подлинник.

Публикацию подготовил Константин Степанов

1822-го года генерал 24-го дня в вотчинном правлении в полном собрании бурмистр (Михаил Юхтин — К.С.) и от всех сел и деревень поверенные учинили сей приговор в том, что с согласия всего миру рыбные ловли и рака по реке Которосли, включая рек Устья от соединения рек Вексы и Устья и вниз по одной реке Которосли до речки Черной, где она впадает в реку Которосль и по озерам, отдали в отдачу деревни Бакланова крестьянам Егору Скарредову и Ивану Цыбанову с тем условием, чтобы по реке Которосли для вотчинной канторы за гакам раков наловить, а когда раки понадобятся для канторы, то брать раки у вышеозначенных рыбаков Скарредова, Цыбанова по десети рублей за тысячу. От вышеписанного числа впредь на пять лет ценою по осмии сот по тридцати рублей в год и чтоб деньги (слово написано над строкой — К.С.) получать по учинению сего приговора в августе месяце каждой год по курсу как состоять будет курс ассигнациям и серебром, и вышепи-

санным откупщикам позволяем делать розничную по реке Которосли отдачу рыбных ловель не только своим вотчинным, но и казенным крестьянам и других помещиков с тем, чтобы брать с них на те отдачи писменные обязательства кантракты, в том и подпишемся.

К сему приговору деревни Жукова поверенной Василей Иванов Дыханов и за себя и вместо примковской трети всех поверенных по их личному прошению руку приложил. Деревни Кладовиц поверенной Семен Матве[ев] за себя и вместо кладовской трети поверенных по их личному прошению руку приложил. Деревни Исад поверенной Иван Кузьмин за себя и вместо семиратаецкой трети поверенных по их личному прошению руку приложил. Деревни Семено[в]ской поверенной Яков Демидов за себя и вместо всех семиратаецкой села Василькова и деревни Стрел поверенных по их личному прошению руку приложил (надписи, сделанные поверенными,